

Ржаил ЗАЙДУЛЛА

МЕЧ ТЕНГРИ

1

Аттила прекрасно понимал, чего добивались прибывшие накануне римские послы. Они старались протянуть время, усыпить и расслабить его своими льстивыми речами. Ухватив ладонью седеющую редкую бороду, он усмехнулся. Они думают, что я поверю их лживым словам и попаду в их хитроумную ловушку. Но Аттила всегда чувствует, когда слова и жесты римлян скрывают за собой коварство, – он воспитывался во дворце императора и провёл там детство. А между тем, всё очень просто: Аэций ещё не собрал армию, и к нему со всех уголков Римской империи стекаются легионы. Когда Аттила вспомнил Аэция, в его синих глазах вспыхнули угрожающие огоньки. Этот римский аристократ вырос в его орде, а потому он наперёд знает, о чём думают и чего хотят гунны... А ведь Аттила относился к нему как к родному брату и верил ему. Не в коня корм!

Он медленно пошёл к выходу из своего дворца. Стоявшие у дверей стражники почтительно расступились. Все они были сыновьями знатных биев, эльтеберов, тарханов. Рослые, украшенные золотом, вплоть до рукояток сабель, в одежде, расшитой серебряными пластинками, – рядом с ними великий царь гуннов будто стал ещё ниже ростом, незаметнее, однако решительная, широкая поступь, крепкие плечи, покрытые шерстяным плащом, откинутаая назад большая голова напоминали всем, кто здесь хозяин, вызывая у окружающих уважение и чувство опасения.

Выйдя через узорчатые ворота, Аттила зашагал в степь. К нему присоединился безмолвный, как тень, Корум-би. Стена, окружавшая поселение, была воздвигнута не для защиты от врагов, а ради её собственной красоты и, конечно же, чтобы показать величие предводителя гуннов. От кого прятаться Аттиле, кого бояться, ведь он сам держит весь мир на ладони!

Степной воздух наполнил грудь. Мягкие кожаные сапоги Аттилы касались серебристых веточек полыни, и степь звенела от её горько-сладкого запаха. Воздух был словно натянутый лук, в звонком ясном небе сияло солнце, похожее на золотой щит, лишь вдаль, на горизонте, будто грива коня, трепетало то ли марево, то ли заблудившееся облако.

Неожиданно Аттила упал на колени и поднял лицо к небу. Сухие губы зашептали слова молитвы. Но Тенгри не подавал никакого знака, и тело Аттилы не пронзил, как прежде, свет, льющийся с небес. Он тяжело поднялся, вернулся к Корум-би. Аттила знал, что римские послы привезли ему в дар много золота и серебра, византийские ткани, украшенное драгоценностями оружие, деньги. Человек – слабое существо, сиюминутное богатство застилает ему вечность. Аттила понимал и умел прощать эту человеческую слабость.

Однако римляне хотят переломить хребет коню, на котором он сидит, разрушить то, что он создавал с таким трудом. Поэтому он должен выпустить стрелу прежде, чем враг поднимет меч. Не опускай оружия, бей в цель! Не зря же предки считали это правило самым главным принципом жизни.

– Великий царь! – осторожно начал Корум-би. – Я догадываюсь, какие мысли бередают твою душу. Римские послы правы: нам нужно жить в согласии. Мечом можно завоевать мир, но не управлять им. Если мы будем жить в мире и дружбе, солнце твоего народа никогда не закатится.

Аттила постарался скрыть своё раздражение.

– В мире ничто не вечно, – проговорил он сквозь зубы. – Даже солнце вечером заходит. А солнце будущего года – не сегодняшнее солнце...

Корум понял, что Аттила не хочет разговаривать о римлянах, и не стал продолжать.

– Римляне хотят усадить нас на свою телегу, – Аттила подошёл к воротам. – На их телегу сядешь – их песню запоёшь. – От взгляда Аттилы Коруму стало не по себе. – Но зря стараются. Мы сами засунем их в наши седельные сумы.

– Воевать с нами – дело для них непосильное, – поддакнул Корум.

– Моё войско завтра же может двинуться на Рим. Но... – Аттила умолк, словно заколебавшись. – Скажи жрецам, пусть зарежут барана, вечером я к ним приду. Всё в руках Тенгри...

Корум-би повернул к жилищу жрецов. Немного погодя двое всадников поскакали в степь, – им было велено выбрать в стаде самого жирного чёрного барана.

Когда сумерки, словно тень скачущего по степи серого коня, коснулись глаз Аттилы, он вошёл к жрецам. В центре помещения горел очаг, вокруг которого сидели семь человек; по всему дому плыл щекочущий ноздри запах варёного мяса. Старший жрец с седыми волосами, заплетёнными в косы, взял в руки баранью лопатку. По чуть заметным чёрточкам на кости он умел предсказывать будущее, лишь ему была дарована власть соединять линии на лопатке с дорогами жизни.

– Собираюсь войной на Рим, будет ли поход удачным? – Аттила осторожно присел у огня.

Жрец начал пальцами ощупывать лопатку, что-то бормотать себе под нос, нашёптывать, поворачиваясь из стороны в сторону.

Терпение Аттилы стало иссякать. В это время кто-то поставил перед ним чашу с горячей шурпой. Аттила немного успокоился, но глаз от жреца не отрывал.

– О великий царь, – выговорил наконец старик. – Тенгри почему-то сердится, говорит, что война будет неудачной, и велит приостановить приготовления.

Аттила резко встал и, ничего не говоря, вышел на воздух. Ему вдруг показалось, что у него в груди застрял тяжёлый камень, и от этого его начало мутить.

А жрец в это время продолжал что-то бормотать у огня. Но не пламя грело его, а лежащий за пазухой кожаный мешочек, переданный ему Корумом, и римские монеты, которые переваливались в нём, сладко тешили душу...

Выйдя от жрецов, Аттила направился в дом своей жены Караки. Построенный в форме восьмигранника, дом изнутри, при свете свечей, казался совершенно круглым.

По войлочным коврам Аттила прошёл вглубь. Там на мягком ложе расположилась его любимая жена Карака. Воздух в доме был пропитан запахом краски, – видимо, служанки целый день красили шали. Почему-то его женщины очень любят укутывать плечи большими шальями с кистями.

Поверх белого платья с оборками Карака надела темно-синий камзол, в блестящие косы вплела серебряные накосники; в колышущемся свете свечи золотые ожерелья, серьги, браслеты и кольца будто вспыхивали огнём.

Загадочно улыбаясь, Карака протянула руки к мужу, но её бьющая через край нега сегодня не возбуждала царя, и сердце его не гнало кровь, разрывая

сосуды... А ведь в прежние ночи от этой женщины он становился безумным, как молодой скакун, и кровь его, не помещаясь в теле, вырывалась через ноздри!

Аттила прилёг, опершись на шёлковую подушку. Карака, поднявшись, сняла с него сапоги. Одна из служанок принесла серебряный таз с тёплой водой. Почувствовав на ногах прикосновение мягких рук жены, Аттила блаженно закрыл глаза.

– Тучи омрачают твою душу, – произнесла женщина.

– Устал... – Только с ней он мог быть откровенным. Ведь ему, Сыну Солнца, должны быть чужды усталость и бессилие, у него всегда должны быть крепкие руки, здоровое тело и острый глаз!

– А мне римские послы преподнесли подарки, – женщина достала из-под ложа золотые и серебряные сосуды, а затем выдернула откуда-то лёгкую, будто белое облако, воздушную ткань и обернула её вокруг талии.

Чтобы угодить жене, Аттила похвалил подарки, а про себя подумал: «Одно только римское щегольство уже способно погубить нас».

Он разделся и бросил одежду на пол. Широкие штаны, как белая дорога, легли по направлению к западу...

Утром он проснулся от какого-то шума. Вымыв лицо и голову из поднесённого рабыней кувшина, он вытерся мохнатым полотенцем, затем вышел наружу и, встав на колени, поприветствовал Солнце. Кругом царило безмолвие – когда Сын Солнца общался с Солнцем, рты остальных должны были быть на замке.

Когда молитва закончилась, перед Аттилой преклонил колени начальник передового отряда Ильбакты.

– Великий царь! – обратился он к нему. – Пусть Тенгри придаст тебе сил и уничтожит твоих врагов. Да будут стремена твои крепки, путь ясен, а меч никогда не заржавеет.

Аттила любил обезображенное многочисленными шрамами лицо Ильбакты. Единственный глаз воина выражал бесконечную преданность своему повелителю, но Аттила увидел там и искорку какой-то тайны, хитрости. Царь опустил руку на плечо Ильбакты:

– Ладно, встань. Говори.

– На рассвете в орду пришёл пастух, он хочет что-то сказать тебе.

– Где он?

Стоявшая неподалёку кучка людей разломилась пополам, из середины вышел худенький подросток. Аттила увидел в его руках меч. Хотя меч не был украшен драгоценными камнями, но он был явно непростой, его сталь была похожа на дамасскую.

Пастух бросился на колени и, сунув шапку под мышку, начал торопливо рассказывать:

– ...Смотрю, один телёнок захромал... Из-под копыта кровь сочится. Я из любопытства пошёл по кровавому следу, через какое-то время нашёл этот меч, – обеими руками мальчик осторожно протянул меч Аттиле, шапка его упала в пыль.

– Меч Тенгри! – крикнул Ильбакты. К нему присоединились остальные.

– Меч Тенгри! – этот клич будто доносился с небес от самого Тенгри.

Аттила преклонил колени и обеими руками взял меч.

– Тенгри послал мне меч, – начал он взволнованно, но вскоре в его голосе зазвенела сталь: – Никакой враг не страшен этому мечу, он принесёт нам победу.

Вдруг откуда-то появился жрец, он ударил в бубен, звякнули маленькие колокольчики на его одежде.

– Меч Тенгри не случайно послан Аттиле, – воскликнул он слабым голосом. – Конец римлянам, теперь римлянам конец!

Выбегающие из домов люди присоединились к общему восторженному крику. Все упали на колени, восхищаясь могуществом Тенгри и воздавая ему хвалу за явленное чудо.

Аттила, удовлетворённо улыбаясь, посмотрел на Ильбакты. Единственный глаз воина светился торжеством.

В степи, где был найден меч Тенгри, вспыхнули тысячи огней, закипело мясо в котлах, послышалось фырканье боевых коней.

2

Когда спустились сумерки, в дом, где остановились римские послы, пришёл жрец. Сложив на груди руки, он сначала поприветствовал духа домашнего очага и лишь потом – послов.

– Аттила зовёт вас к себе на ужин, – сказал он. – Я провожу вас.

Старший посол, римский патриций Ромул, безбородый и безусый мужчина с лысиной на макушке, начал торопливо одеваться.

– Не спешите, – усмехнулся жрец. – Мы умеем ждать.

Вполголоса о чём-то переговариваясь на своём языке, послы зашагали к сверкающему дворцу Аттилы. По обеим сторонам дороги, освещая её смоляными факелами, стояли рабы.

Зайдя во дворец, послы поприветствовали присутствующих в зале, коснувшись руками сначала лба, потом груди. В глубине зала, на возвышении, подогнув ноги, сидел Аттила. Справа от него, скромно потупив взор, расположился его старший сын Эллах. Рядом с ним полулежал, опершись о подушку, второй сын Аттилы – Дингиз. Послы знали, что степные кочевники любили этого юношу, называя его «совёнком», то есть мудрым. Чуть поодаль, подогнув ноги, сидел младший сын Аттилы, – Ирнек.

Жестом Аттилы указал послам место по левую руку от себя. Лишь самые знатные гости удостоивались такой чести.

Когда все расселись, позади каждого гостя появились по одному виночерпию и бавырчи¹. Рабы внесли в больших кожаных мешках конину и баранину. В мгновение ока бавырчи разрезали мясо и, разложив его на серебряных блюдах, расставили перед гостями, а виночерпии наполнили золотые кубки медовухой.

Однако к еде никто не притрагивался, все смотрели на Аттилу. Бавырчи поставил перед ним деревянную миску с мясом, виночерпий нацедил в деревянную чарку медовуху. Аттила поднял чарку, посмотрел на своего сына Эллаха. Тот немедленно поднялся.

– Сын мой! – начал Аттила. – Ползущая по степи ящерица видит перед собой не более пяди земли, орёл, распростёрший крылья над равниной, способен охватить взором всё пространство до горизонта. Коварство, царящее на земле, не скроется от этого взгляда... – он будто задумался, – ... если только не забьётся в сурочью нору. Значит, там ему и место – в царстве тьмы... В царстве света ему нет места. Сын мой Эллах! Да будут широки и сильны твои крылья в небе над степью! Никогда не забывай, кто ты есть и какого народа ты сын. У тебя есть имя, у тебя есть твой народ! Пеший конному не товарищ!

---

¹ Бавырчи – подавальщик мяса.

Аттила пригубил из чарки, толстыми пальцами отправил в рот мясо. Эллах, словно путник после долгого путешествия, жадно приник губами к кубку с медовухой. Другие тоже подняли кубки.

Пиршество всё более разгоралось. Лились дождём цветистые, пышные слова. Лишь Аттила молчал, изредка касаясь губами края чарки и откусывая мясо. Он был героем на поле брани, а не за столом. Но ни одно неловкое слово, ни один косой взгляд и жест не оставались без его внимания. Он хорошо знал, что обильные возлияния развязывают языки, открывают настежь души. А перед походом совсем не лишне узнать, кто о чём думает.

Аттила взглянул на Ильбакты. Единственный его глаз был прикрыт, а губы беззвучно шевелились.

– Ильбакты!

Все замерли. Воин, вздрогнув, вскочил с места.

– Не споешь ли?..

Виночерпий поднёс Ильбакты серебряный кубок... Певец откашлялся и протяжно запел:

В степя-а-ах весной жеребята резвятся,

В шатре-э-э молодая девушка спит...

Изумлённые послы не отрываясь смотрели на обезображенное шрамом лицо одноглазого воина. О нет, в эти мгновения его уродство исчезло, было забыто. О Тенгри, неужели бывает на свете такой голос? Песня унесла куда-то далеко-далеко, бескрайний степной воздух ворвался в зал, предрассветный ветер зашевелил ковыль, с небес на землю полилась пронзительная мелодия жаворонка, где-то послышалось фырканье коней, протарахтела крытая повозка, пискнул младенец, замигало под звёздами одинокое пламя костра...

В степя-а-ах...

Ильбакты смолк. Но древняя песня продолжала звучать, её подхватил сидящий рядом с воином человек.

Ромул устал. Эта не имеющая конца протяжная песня бредила душу и необъяснимым образом волновала его. Будто в полночь, подняв морду к луне, воеет степной волк. «У каждого народа свой напев, – подумал посол. – А им, наверно, покажутся смешными наши песни». Какая-то печаль слышалась в песнях этих варваров. «Печаль – удел рабов, – Ромул улыбнулся этому своему открытию, – а римляне – хозяева мира, победители, значит, должны быть радостны. Поэтому самая подходящая музыка для нас – марш, гимн...»

Его мысли были прерваны голосом Аттилы:

– Позвать Шамакаю!

В дверь вошёл человек придурковатого вида. Он был без штанов (римлянин отметил для себя, что это не свойственно варварам), но его голое тело было обмотано длинным куском ткани. Увидев вошедшего, гунны покатались со смеху. Когда шум немного утих, Шамакаю откинул голову назад и поднял вверх правую руку:

– Я был у жреца, – сказал он. – Жрец предсказал мою судьбу по лопатке черного барана. Скоро я стану императором Рима!

За столом снова послышался смех.

– Вы удивлены, что я без штанов? Но ведь римляне не носят штанов, тем более что так легче спастись от Аттилы – когда бежишь, не будут спадать штаны.

Пирующие, задыхаясь от смеха, повалились на пол. Лица послов словно окаменели. Они сидели неподвижно, уставившись в одну точку.

– Корум-би назначаю консулом. Снимай штаны, Корум!

У Корум-би, смеявшегося вместе со всеми, от неожиданности открылся рот и округлились глаза, рука невольно потянулась к рукоятке меча. Но на полумного было грех обижаться или сердиться.

– ...А пока не освободился римский престол, я попасу коров, – заключил Шамакай. – Может, и мне Тенгри пошлёт какой-нибудь меч.

А это уже был намёк на самого Аттилу. Но царь с удовольствием рассмеялся: видимо, у варваров не считалось зазорным уколоть самого владыку мира.

Прервав шумное веселье, Аттила обратился к послам:

– Ну, Ромул, – после долгого смеха щеки Аттилы порозовели, голос слегка охрип. – Как чувствует себя император? Не донимают ли болезни, хватает ли у него сил на наложниц?

Посол, конечно, почувствовал в словах варвара еле уловимую издёвку, но постарался скрыть свою ярость:

– О, Аттила! Разве боги болеют? Он сам властвует над всеми болезнями. Если он прогневаётся на нас, его рабов, то может послать на нас всяческие кары или, если нужно, ангела смерти. Наша судьба – в его руках. Если Бог – на небе, то на земле – Император! И тебе, своему скифскому вассалу, он передаёт через нас своё доброе слово и благосклонный взгляд.

Лицо Аттилы потемнело, по щекам заходили желваки, но он промолчал.

– Разве вассалу платят дань? – удивлённо спросил Ильбакты.

– Бог один – Тенгри. И сравнивать с ним смертного человека нельзя, – вмешался в разговор Дингиз. – Император – такой же обыкновенный человек, как какой-нибудь наш бедный табунщик, раб божий. Он ест, спит, справляет нужду, любит женщин, болеет, стареет и, наконец, умирает, или его убивают. А через сто лет никто и не вспомнит о нем. Тенгри – вечен, Он – создатель земли и жизни, и именно Он ставит точку в нашей жизни.

Послу не понравилось сравнение императора с табунщиком-варваром. Он хотел было ответить и поставить дерзкого юношу на место, но, подумав, сдержался. Конечно, они не поднимут руку на послов, у варваров даже есть поговорка: «Посла не предадут смерти». Но у этих же варваров говорят: «Если ты гость, будь скромён». Поэтому Ромул решил не спорить с Дингизом.

– Император собирается и дальше жить с вами в мире, общаясь и торгуя, – начал Ромул. – Император велел нам купить у вас тысячу голов лошадей.

– Лошадей у нас много... – Корум-би, забывшись, вмешался в разговор, но тут же осёкся под гневным взглядом Аттилы.

– Мы не торгуем лошадьми, – жёстко промолвил Аттила. – Жизнь для тюрка – это его конь. Они – единое целое. Если подрезать орлу крылья, он превратится в жалкого ползучего гада. Кони – наши крылья...

– Но мы дадим вам взамен много золота и серебра, дорогих тканей, вина и рабынь, которые откроют вам двери в рай. Кто же отказывается от такого богатства?

– Знаешь ли ты, что для нас самое большое богатство? – И Аттила начал перечислять, загибая пальцы: – Скакать верхом, есть конину, привести в дом жену. А все эти побрякушки – мусор.

– Это так... – согласился Ромул, – наверно, золото не самая главная вещь на свете. Но весь мир знает, как любят наряжаться ваши женщины. Как мужчине завоевать сердце женщины? Надо подарить ей кольца, браслеты, серьги, ожерелья. Так золотой бес проникает в сердце мужчины. Согласись, что золото добыть легче торговлей, чем войной. Рано или поздно вы тоже начнёте жить по римским законам.

– Как Рим завоевал полмира? Войной, только войной, дорогой Ромул! Вы грабите народы и тащите все их богатства в Рим, а их самих превращаете в рабов и ис-

пользуете для того, чтобы строить дворцы вашим патрициям. Если вместо Тенгри мы станем молиться золоту, то скоро тоже растворимся в бездонном римском море. А пока передайте вашему императору мои слова: «Иду на тебя!» – Аттила встал.

...Когда послы уже были в дверях, Ильбакты шепнул на ухо Ромулу:
– Ожерелья наших жён пока греются на груди ваших женщин.

3

Солнце поднялось уже на высоту оглобли, а Аттила всё не отдавал приказа трубить в походные рожки. Он ещё раз окинул взглядом растянувшееся до горизонта войско. Кони приплясывали на месте, шумно фыркали, покусывая удила, а всадники то и дело нервно постукивали пальцами по рукояткам мечей. Виноградные кусты, ещё только вчера шептавшиеся с нежными ветрами, шелестящие хлеба Каталаунской равнины, – всё это было сегодня сломано, раздавлено и перемешано с черной землёй. Далеко на западе выстроились римские легионы, видно было, как вдоль рядов бегают центурионы. Легаты в панцирях, на груди которых сверкали золотые пластины с отчеканенной головой льва, и в шлемах, украшенных орлиными перьями, застыли, как балбалы². Они ждали, когда варвары начнут атаку.

Аттилу, как никогда, мучили сомнения. Он колебался. Аттила знал, что сегодня решается не только его судьба, но и судьба его империи. Не потому ли какая-то сила будто удерживала его, связывала ему руки. А огненное колесо всё катилось к вершине небосвода...

Рысью подъехал Ильбакты:

– Если тетива натянута, стрелу надо выпустить, Аттила! – сказал он. – Иначе можем сорвать начало.

Аттила промолчал.

– Хорошо ли мы поступили, поставив в голове войска Ардариха? Этим готам совсем нет веры, – продолжил Ильбакты.

– Если это входит в их намерения, пусть сразу переходят на сторону врага, иначе потом, если вздумают предать, переломают нам все ряды.

– Что-то не видно готов Аэция, похоже, он поставил их в засаду...

– Он хочет ударить с правого фланга, – усмехнулся Аттила.

– Но ещё раньше их возьмут в клещи утригуры и кутригуры.

Эти булгарские племена были гордостью Аттилы. Их военачальниками он назначил своих сыновей – Дингиза и Ирнека.

Настроение царя улучшилось. Откинувшись в седле, он посмотрел в небо и что-то прошептал.

– Ор-ра! – крикнул он, хлестнул коня плетью и как молния понёсся вдоль строя воинов.

Яростные возгласы вырвались из тысяч глоток:

– Ор-ра!

Аттила выхватил из ножен меч Тенгри.

– Воины! Осторожность – признак трусости. Победителем бывает тот, кто нападает на врага первым. Бегство – хуже смерти! Месть всегда придаёт силы. Пусть души воспарят, а кровь закипит! Смелого стрела не возьмёт. Тот, кто в бою не рядом с Аттилой, уже мёртв. Вперёд!

Первыми на римлян бросились готы Ардариха – маркоманы, квады, гепиды. Казалось, этот поток ничем не остановить. Готы, хотя и не любили гуннов, но римлян ненавидели ещё больше.

Но когда уже казалось, что первые ряды римлян уничтожены, поток словно споткнулся, и началась неразбериха. Римские воины подняли над головами по-

² Балбал – ритуальный камень, антропоморфное изваяние.

золоченные щиты, солнечные лучи, отражаясь в них, брызнули огнём в глаза наступающих всадников и их коней. И яростный вихрь, обессилев, ударился о железные когорты неуверенно и запоздало.

Аэций не зря выбрал для боя с Атилиой Каталаунскую равнину, где было довольно трудно развернуться конному войску. И Атила это понимал.

«Но как бы ни хитрила римская лисица, она всё равно будет раздавлена копытами наших коней, – подумал великий царь. – Тенгри защищает нас, ведь у меня в руках – его меч».

Ни одна из сторон не думала отступать. Аэций выставил против гуннов тринадцать легионов, и ещё четыре легиона стояли наготове и в любую минуту могли вступить в бой. Гуннские всадники вихрем налетели на легионеров, но те будто вросли в землю, ни на шаг не отступая перед этой грозной силой.

Сверкали короткие римские мечи, и кони с распоротым брюхом падали на мокрую, пропитанную кровью землю, а уцелевшие всадники, подняв над головой кривые мечи, бросались на горло легионерам. На левом фланге бились угры, на правом – акациры, они теснили готов Аэция, действуя, как кочевники, – стреляли из луков и бросали арканы, не приближаясь к врагу.

Когда поле окутала тьма, бой закончился. Оставшиеся в живых воины Аттилы вернулись в орду. Где-то в ночи слышались стоны тяжелораненых.

Атила вошёл в свой шатёр совершенно измождённый. На ложе, свернувшись калачиком, спала девушка-рабыня. Он не стал её будить, присел, облокотившись о подушку, и погрузился в тягостные мысли.

Куда только не забрасывает человека воля Тенгри... Совсем недалеко отсюда – город Паризия³, а если повернуть на юг, то будет рукой подать и до Вечного Рима. Надо разбить Аэция и повернуть поводья в ту сторону. Там золото, серебро, шелка, прекрасные наложницы...

Атила усмехнулся про себя. Он вспомнил письмо Гонории – сестры римского императора Валентиниана. «Славный царь Аттила, – писала она, – я всё время вспоминаю тебя. Когда ты воспитывался в императорском дворце, мы часто встречались. Я была ещё маленькой, а ты был уже юношей. Теперь ты стал владыкой мира. Весь Рим говорит только об Аттиле. Вот что сказал нам побывавший у тебя посол Ромул: “Никто, кроме Аттилы, из царствовавших в Скифии или в других государствах, не смог выполнить таких великих задач за такой короткий срок. Его владения простираются до островов Великого океана. Не только скифов, но и римлян он заставляет платить ему дань. Ни один народ не может противостоять ему”. Вот как говорят о тебе знатные патриции! О том, что Рим платит тебе дань, мы знаем и без него. Римляне выполняют любое твоё требование. Поэтому попроси меня себе в жёны! Меня сватают за одного из патрициев. Но я должна быть женой владыки мира! В доказательство сказанному я посылаю тебе своё обручальное кольцо. Гонория».

Атила, конечно же, попросит её в жёны. Женившись на сестре императора, он в законном порядке будет добиваться римского престола. Валентиниан слаб и болезнен. Его жребий – устраивать во дворце петушинные бои и влюбляться в мальчиков. А большие дела делаются мечом. Император Скифии и Рима! Цезарь! Патриции, считающие себя божьими избранниками, сгорят от досады. Они забыли, что их далёкие предки тоже были рабами. Где сейчас истинные римляне? Они давно и бесследно растворились среди пёстрого люда, стекавшегося в Вечный Город со всех завоёванных территорий. Праправнук вандала, заворачивавшегося в медвежьи шкуры, возомнил себя истинным римлянином, ощущая себя выше других.

³ Паризия – современный Париж.

Перед богом все равны, каждый живёт, приспособливаясь к законам Матери-земли. Народу Аттилы не нужно строить в степи каменные дворцы. Его владения простираются от моря до моря. Гунн начинается в одном месте, в другом – рождается, находит успокоение в третьем месте. И никакая сила на свете не сможет остановить это движение. Римляне дрожат за свою землю величиной с ладонь и всё награбленное тащат туда. Для них место, где они родились, – самое дорогое на свете. Римляне именно его считают своей родиной. А между тем, до них здесь побывали тысячи людей. И каждый из них считал, что эта земля – его. Но не земля принадлежит нам, а мы – земле. И она по одному забирает нас к себе.

Аттиле принадлежит весь мир. Та земля, где ступил копыто его коня, – божья, а все люди должны подчиняться сыну бога. Аттила никого не обижает понапрасну. Однажды один из римских послов уговаривал отпущенного Аттилой на волю раба-римлянина вернуться на родину. Ответ раба тут же довели до Аттилы: «Нет, – сказал раб. – Если будет война, я с Аттилой пойду на войну и, если не погибну, вернусь с трофеями, потому что Аттила никогда не проигрывает, а Рим терпит поражение за поражением. В Риме над тобой семьдесят начальников, и каждый норовит тебя обидеть, обобрать до последнего, требует подношений. И некому пожаловаться! А здесь меня никто не посмеет обидеть, здесь один властитель – Аттила! Если кто-нибудь заденет меня, я упаду к ногам Аттилы, и он нас рассудит».

Да, государство Аттилы славное, и основание дома крепкое. Но если однажды он уйдёт в мир иной, останется ли его государство единым и сильным? Разве не чувствует он скрытое противостояние родов? И разве мало тех, кто держит камень за пазухой? Подозрительные взгляды, которыми обменивались сыновья, также не оставались незамеченными отцом. После Аттилы престол по закону должен перейти к его старшему сыну Эллаху. Но подчинится ли ему гордый и умный Дингиз? А третий сын, Ирнек, на чью сторону встанет он? Аттила старался уже не вспоминать об остальных семидесяти сыновьях, рождённых от рабынь и наложниц. Но царский казан-то – один. Он, как символ благополучия, стоит посреди шатра. Две бараньи головы в него не поместятся. Именно потому и опустил меч Тенгри на шею старшего брата Аттилы – Бледы. Когда речь идёт о царском престоле, родственные узы забываются. А впрочем, какие могут быть родственники у сына бога? Меч Тенгри – один...

Внезапно в шатёр просунул голову стражник, стоявший снаружи у входа. Через образовавшуюся щель внутрь просочился скупой белёсый свет. Светало. Аттила потёр красные от недосыпания глаза.

– Ильбакты хочет тебя видеть, – сказал стражник.

Тут же в дверях показался старый воин.

– Аэций увёл войско! – Он даже забыл поприветствовать царя и пожелать ему здоровья. Вообще-то и сам Аттила во время войны не обращал внимания на исполнение ритуалов и даже молился короче, чем всегда.

Царь улыбнулся:

– Аэций хочет обойти нас, перекрыть дорогу назад...

Ильбакты удивлённо посмотрел на него:

– Ты уже знаешь об этом, великий царь?

– Кто может спрятаться от взора Тенгри, кто сможет убежать от меча Тенгри?

Ильбакты бросился на колени и уткнулся головой в пол:

– Это правда, это правда, – повторял он. – Но там одна дорога, а вокруг – леса и болота. Мы не сможем пройти через эти легионы.

Аттила лениво привстал, хитровато подмигнул Ильбакты:

– А мы и не собираемся продираться сквозь них. Мы теперь двинемся на юг, в Италию. В Рим, в Рим, Ильбакты, волка надо убить в его логове.

Протрубили боевые трубы. Бескрайнее конное войско двинулось вперёд. На этой дороге у римлян уже не было войска, способного остановить их. Узнав о приближении варваров, народ попрятался в лесах и горах, позади армии Аттилы оставались брошенные селения, потоптанные поля и виноградники. Небольшие гарнизоны, охраняемые римскими когортами, были разбиты и сожжены. Готы Ардариха, как огненный смерч, уже ворвались в Северную Италию. Всадники, будто вросшие в спины низкорослых, мохнатых коней, повергали в ужас даже беспризорных собак и кошек, оглашавших окрестности отчаянным лаем и воплями. Кони мчались всё дальше, и всё вокруг окутывалось пылью, поднятой их копытами. Где-то пронзительно и жалобно кричали птицы, будто и они хотели спрятаться подальше от этого кошмара.

К вечеру войско вышло на равнину Амбулей и разбило там лагерь. В середине установили большой белый шатёр Аттилы, рядом расположились его сыновья – Эллах, Дингиз, Ирнек. Шатёр Ильбакты тоже был недалеко. Как по мановению руки, возник большой город из шатров.

В висящих над кострами котлах варилось мясо, и его запах уже успел распространиться по всей равнине.

Вышедший из шатра Аттила увидел, как слуги спускают с повозки бурдюк, наполненный кумысом. Бурдюк был настолько тяжёл, что пять-шесть человек с трудом опустили его на землю.

Облака на небосклоне будто кровоточили, они были похожи на куски свежего мяса.

Великий царь постоял в одиночестве, затем сделал едва заметное движение. К нему тотчас подошли Ильбакты и жрец, а затем и любимые сыновья. Ильбакты, увидев, что владыка мира смотрит на горизонт, удовлетворённо кашлянул:

– Завтра такое же зарево встанет над Римом.

– Нет, – сказал Аттила, – Мы не будем разрушать город. Чтобы откупиться от нас, римляне предложат бесчисленное количество золота и серебра, дорогих шелков, рабов и наложниц. К тому же я потребую сестру императора себе в жёны. Раз так, зачем разрушать свой город?..

Дингиз удивлённо посмотрел на отца. Аттила уже примеряет корону Римской империи! А между тем отец ненавидит римский образ жизни и старается не смешивать свой род с ними. Гунн, предавший степь, – уже не гунн. Посмотреть хотя бы на тех соплеменников, которые когда-то покинули орду. Они так и не смогли стать римлянами, а их дети, праправнуки теперь даже и не знают, что их предки были степными воинами. А если и знают, то стараются не вспоминать – кому же хочется быть потомком «варвара»?

– Пусть выдадут изменников, – предложил Дингиз.

– Их всех ждёт смерть от меча, – Аттила нахмурился, – другим урок.

Перед самым началом похода Корум-би тайно бежал в Рим. Аттилу это разгневало и в то же время очень расстроило. Корум был его правой рукой. Почему он перешёл на сторону врага? Позарился на блестящие побрякушки? Но у него и здесь их было предостаточно. А теперь, как бы он ни растянулся перед римлянами, для них он навсегда останется «грязным варваром». Впрочем, завтра же римляне вернут его – заблудшую овцу – прежнему хозяину. А предателей Аттила никогда не прощал.

Проснувшись рано поутру, великий царь вышел из шатра и помолился, по обыкновению, Тенгри. Поодаль его терпеливо ждали слуги. Аттила высказал Тенгри всё, что накопилось в душе, попросил у него милости и помощи. Когда молитва закончилась, к Аттиле приблизился Ильбакты:

– Прибыли римляне. Во главе их – сам папа Леон, их главный жрец.

О том, что римский папа будет просить мира, Аттила уже знал по донесениям своих разведчиков.

– Коня! – приказал царь.

К нему подвели белого коня, затем опоясали Аттилу мечом Тенгри. Царь вскочил в седло, остальные последовали его примеру. Уздечки и поводья коней были богато украшены золотом и серебром, но сами всадники были одеты просто. Аттила не любил украшений, но не осуждал страсть своих приближенных к побрякушкам. Этой их слабостью он даже частенько пользовался, дарил им вещи, инкрустированные драгоценными камнями, наблюдая, как от этого меняется настроение людей, и радовался тому, что он выше всех этих мелочей. Но сегодня его бии и тарханы были одеты, как их древние предки. Сегодня они – великие воины и потому должны внушать римлянам страх.

Впереди римского посольства с крестом в руке шагал папа Леон. Немного не доходя до гуннов, он остановился. Папа стоял молча, ожидая, когда вождь варваров спешится. Молчание затянулось, но Аттила и не думал сходить с коня.

Папа это понял, и его губы задрожали от обиды. Перебирая пальцами, щедро украшенными драгоценными кольцами, темно-красную кайму белоснежной тоги, папа заговорил, стараясь скрыть дрожь в голосе:

– Аттила! Мы пришли к тебе не с войной, а с миром.

Конь Аттилы переступил с ноги на ногу. Вдруг степь будто раскололась от надтреснутого голоса одноглазого Ильбакты:

– Встань на колени и сними шапку, когда говоришь с великим царём!

Среди римлян послышался ропот. Их обиде и ярости, казалось, не было предела. Им, римлянам, хозяевам мира, какой-то варвар приказывает встать на колени! Они, конечно, слышали об этом обычае гуннов. Именно поэтому они и попросили папу возглавить их делегацию, надеясь на то, что Аттила не потребует от седовласого папы преклонить колени. Недавно перешедший на их сторону Корум посоветовал то же самое; он сказал, что к Аттиле, не преклонив колени, может обращаться только верховный жрец. Поколебавшись немного, папа сделал ещё два шага, сдёрнул с головы маленькую шапочку и, сунув её под мышку, опустил на пыльную дорогу. Завозился, не зная, куда деть крест.

– Я знаю, что ты пришёл с миром, – начал Аттила, – я знаю также, что ты согласишься на все мои требования. Рим дорого стоит. Итак, вы должны заплатить дань в два раза больше той, что должны были, а также вернуть сбежавших от нас изменников. Далее, я желаю взять в жёны сестру Валентиниана Гонорию. Разумеется, её приданое должно быть достойно императора.

От последних слов лицо папы вытянулось. Он окончательно растерялся.

– Но Гонория давно замужем, – еле промолвил он.

Аттила что-то достал из-за пазухи.

– Вот обручальное кольцо Гонории, – сказал он. – Значит, её выдали замуж незаконно.

Узнав кольцо Гонории, патриции потушили головы. Такого позора Рим ещё не знал. Какой-то дикарь, разбойник, одетый в шкуры, требует себе в жёны сестру императора! Но не согласиться тоже нельзя. Судьба Рима дороже не только сестры императора, но даже самого императора. И Аттила, и сами римляне даже не догадывались, насколько коварна Гонория.

...Когда двуглавый золотой орёл раскинул над Босфором свои агатовые крылья, византийский император Марциан пробудился от странного сна. Будто бы он, преследуя волка, забрёл в лесную чащу. Вдруг появился страшный всадник и, замахнувшись мечом, бросился на него. Но неожиданно меч переломился пополам, а всадник упал под копыта своего коня. Марциан изо всех сил побежал к поляне, а волк неожиданно превратился в золотоволосую синеглазую краса-

вищу. Она смотрела на него и звонко смеялась... Проснувшись окончательно, Марциан вскочил с постели – такое с ним случалось нечасто, по утрам он любил понежиться. Тем всадником был Аттила! Известный всему миру меч Тенгри сломался, значит – дни варвара сочтены. Позвонив в колокольчик, Марциан приказал привести толкователя снов. Впрочем, император уже и сам знал, что скажет толкователь.

4

Мощённые камнем пыльные дороги Рима остались далеко позади. Когда выехали в степь, Аттила спешился и велел разбить лагерь. Сам, неловко ступая, пошёл по степи, сорвал качающуюся на ветру веточку белой полыни, поднёс к лицу. Приближённые провожали его улыбками, – кривые ноги великого царя не были приспособлены для ходьбы. Засмотревшись на жаворонков, словно застывших в небе, Аттила кулаком вытер повлажневшие глаза. Степной воздух был наполнен до краёв разными звуками: залиvistым пением жаворонков, стрёкотом кузнечиков, звоном не видимых глазу насекомых. Вон там, вддали, высоко-высоко, парит, не шевеля крыльями, степной орёл – он словно приветствует возвращение Аттилы домой. Здесь всё своё, родное. Кольшущиеся на тёплом ветру сочные травы, играющие среди этих трав жеребятя, запах конского навоза, сурочьи норы – всё-всё знакомо, знакомо с детства, дорого и мило...

Краем глаза Аттила заметил приближающегося к нему Ильбакты. Остановился и громко рассмеялся. Радость возвращения домой, на свою землю, переполняла его, и он не стал скрывать эту радость от близкого человека. И хотя Аттила владел бескрайними землями от моря и до моря, всё равно место, где он появился на свет, было особенным, только здесь вскипает кровь и влажнеют глаза! Здесь его отец ходил в женихах, а мать была невестой, здесь он сделал свой первый шаг, впервые сел на коня, взял в руки меч. Здесь он впервые почувствовал себя мужчиной. Наверно, не случайно его славный предок Багатур⁴, живший когда-то далеко на Востоке, однажды сказал: «Земля – основа государства».

– Где ставить шатёр Гонории? Рядом с твоим? – спросил Ильбакты.

Аттила отбросил в сторону веточку полыни.

– Шатёр ставь, но не для Гонории...

...В свите сестры императора оказалась девушка ослепительной красоты. С большими черными глазами и чёрными, как дёготь, волосами, она не была похожа на других римских девушек... Заметив восхищённые взгляды, которыми Аттила провожал её, шпионы царя разузнали всё о девушке и доложили своему господину. Оказалось, что красавица была соплеменницей Аттилы – дочерью наложницы и одного из предателей, перебежавших на сторону Рима ещё во времена правления отца Аттилы – Мундзука. Голос крови нельзя заглушить, а потому разве странно, что стареющий царь обратил внимание именно на эту девушку?... Впрочем, она была просто загляденье!

Ильбакты будто прочитал мысли господина:

– Я понял. Поставим шатёр для девушки.

– Позови жреца и нареките её Ильбике. Хоть и дурной кровью зачата, но корни у неё – наши.

«Именно такие и будут пострашнее врага», – подумал Ильбакты, но вслух ничего говорить не стал. Он был всего лишь грубым воякой, но, превратившись после бегства Корума в правую руку Аттилы, научился вовремя прикусывать

⁴ Багатур – в китайских источниках шаньюй Модэ.

язык. Вертеться среди вероломных женщин, жадных и хитрых тарханов, суетливой толпой окружавших Аттилу, оказалось куда труднее, чем махать мечом в открытом бою.

Ах, как сильно раскаивался потом Ильбакты, что промолчал тогда! Но было уже поздно и бесполезно: упущенного не вернёшь.

Гонория – матрона, лицо которой несло на себе безжалостную печать времени, при встречах с Аттилой никогда не отпускала от себя девушку – Ильбике, как её назвал царь. Гонория словно дразнила его. Аттила мучился, стараясь скрыть свой жадный, страстный взгляд и от Гонории, и от самой девушки, но разве не заметит женщина, какой ураган она зародила в душе мужчины...

Когда, играя гибким телом, девушка проходила мимо, она, будто дразня, высовывала кончик маленького розового язычка, из-под её ресниц струился манящий многообещающий взгляд, и тогда в голове Аттилы поднималась горячая волна, ноздри заливало теплом, и он, почти теряя сознание, торопливо зажимал нос платком, боясь, что кто-нибудь увидит кровь.

Аттила совсем потерял покой. И вот сегодня он приказал поставить шатёр для Ильбике.

Вечером, когда он впервые переступил порог шатра Ильбике, облака на небосклоне набухли красным, и казалось, что вот сейчас на землю закапают кровь. Совсем рядом, обдав жарким дыханием, проскакал вороной жеребец...

...Услышав жалобные крики девушки, стражники насторожились, но не шелохнулись. Из шатра Аттилы каждую ночь доносились женские стоны и крики. Но этот голос почему-то взволновал. Он был какой-то иной – пронзительно-жалобный, разрывающий душу. Будто просьба о помощи, крик повторился снова. Ильбике не знала языка своих предков-варваров, а стражники не знали её языка. И всё же один из них, осмелившись, отодвинул полог, висевший над входом, и заглянул внутрь. Там, в глубине, на ложе, в тусклом свете свечей виднелось неподвижное тело Аттилы. Стража кинулась к царю. Его перевернули на спину, но Аттила – Великий Муж, державший мир на ладони, – был уже мёртв.

Говорили потом, что у Аттилы пошла носом кровь, попала в горло, и он задохнулся.

Женщина, которую он так сильно желал, так и не стала госпожой. Ей было суждено другое – стать его ангелом смерти.

Народ Аттилы растерялся и на некоторое время словно онемел от горя. Похожий на большого зверя с переломанным позвоночником, он мучился, потеряв способность двигаться. Только среди готов и гепидов, считавшихся союзниками Аттилы, царило оживление.

Аттилу завернули в шёлковые одежды. На голову надели шлем, украшенный золотыми пластинами, и положили тело в золотой гроб. Золотой гроб поместили в серебряный, серебряный – в железный. Собирая царя в последний путь, долго искали меч Тенгри, чтобы прикрепить его к поясу Аттилы, но так и не нашли. Видимо, Тенгри забрал его обратно. Пошлёт ли Он когда-нибудь ещё свой меч кому-нибудь из смертных? – этого никто не знал.

Собравшиеся на отпевание старики прятали друг от друга тревожные взгляды. «Только бы народ не растерял силу духа», – мысленно возносили они молитвы Тенгри. Содрогнётся ли мир ещё когда-нибудь от поступи племени Аттилы? Не вцепятся ли друг другу в глотки его сыновья? Но Тенгри оставался безмолвен и никому не дал ответа.

Тысячи людей запрудили реку и повернули течение в сторону, а на дне старого русла вырыли большую могилу. Опустили гроб, рядом поставили зо-

лотые, серебряные сосуды, полные кумыса, хлебов и конины. В этой жизни Аттила не пользовался дорогой посудой, но она могла пригодиться ему в той жизни. Не станет же их повелитель есть из деревянной миски перед Тенгри?.. Рядом с гробом царя положили только что забитых боевых коней, оружие, в той жизни у Аттилы тоже могут быть враги, и он должен быть готов принять бой. Свита царя присоединилась к своему господину, – рядом с Аттилой уложили его самых близких воинов, слуг и наложниц. Молодая Ильбике легла рядом – Аттила не смог насладиться ею здесь, так пусть он насытится ею вдоволь в том мире.

Когда засыпали могилу, все мужчины племени, согласно древнему обычаю, закружили вокруг, стали рвать на себе волосы и царапать лица. Издали за ними молча наблюдали женщины – дух умершего не подобало беспокоить женским плачем. А народ всё шёл и шёл попрощаться с Аттилой, и прощание это длилось несколько недель. Наконец, разобрав запруду, реку вернули в прежнее русло. Над могилой пронёсся белый пенный поток и скрыл всё под водой, чтобы уже никто и никогда не узнал, где последнее пристанище Аттилы, и не побеспокоил его.

Затем началась гризна. В больших котлах варилась конина, текли рекой кумыс и буза⁵. Пусть Аттила с того света видит, что его народ живёт в благополучии, сытости и радости! Но пиршество длилось недолго. Готы и гепиды отказались признавать Эллаха великим царём, войско, посланное для их усмирения, было разбито, а самого Эллаха проткнуло насквозь готское копье.

Государство Аттилы развалилось. После поражения в битве с саругырами⁶ Ирнек с остатками войска ушёл на родину предков, на берега Большой Идели.

Дингиз тоже покинул отчий дом и отправился в свои бескрайние южные владения.

...Ещё недавно кипевший жизнью, город опустел. Только хилый одноглазый старик каждый день спускается к реке и чуть слышно разговаривает с волнами. Он с изумлением смотрит на разрушенные дома, на развалины бывшего дворца Аттилы и не может поверить своему единственному глазу. Где былая слава, где былая сила? Теперь здесь хозяйничают чужие. Былое величие обвалилось и исчезло, словно замок из песка. Когда же произошла роковая ошибка, и в чём она состояла?

Недалеко от того места, где обыкновенно сидел старик, возвышался муравейник. Оторвав взгляд от зубчатой гривы волн, старик частенько наблюдал за муравьями. Они целый день бегали в разные стороны, что-то тащили, толкали. Между ними постоянно шла явная и скрытая борьба. Вот один муравьишка, напрягаясь изо всех сил, волочит какую-то букашку. Но откуда-то появляется другой муравей, отнимает добычу и тянет её за собой в ту же норку. Впрочем, наверно, не в ту же, иначе зачем отнимать букашку у другого?

Муравейник гудит. И здесь сильные притесняют слабых, они управляют, они – хозяева! Жильцам муравейника приходится отражать и атаки извне. Однажды на них напали большие серые муравьи. Хозяева муравейника, хотя и были воинственны, но оказались мельче врагов, а потому после тяжёлого боя беспорядочно отступили. Одноглазому старику стало жалко «своих» муравьёв: они ведь защищают родину! И он отогнал больших муравьёв мечом Тенгри. Те озадаченно побегали туда-сюда и исчезли в траве. А если бы старик не увидел и не вмешался?..

⁵ Буза – вид хмельного напитка.

⁶ Саругыры – предположительно, древнебулгарское племя.

Не дожидаясь, когда в муравейнике начнутся торжества по случаю победы, старик снова перевёл взгляд на волны. А у муравьёв – действительно большой праздник: они окружили вождя, кланяются ему, благодарят, восхищаются его великим воинским искусством. Он вовремя приказал отступить и сумел разбить врага! «Великий воин», между тем, взобравшись на вершину муравейника, объявил себя владыкой мира...

А перед глазами старика вновь и вновь возникала картина: Аттила верхом на белом коне, в поднятой высоко вверх руке – меч Тенгри...

Самая славная смерть – на поле боя. Самая сладкая смерть – в объятиях женщины. Но может ли смерть быть сладкой? Старик зябко поёжился, укутался в кусок шкуры, висящий у него на плечах, и вот уже он снова смотрит на стремительный бег волн и уже не надеется ни на славную смерть, ни на сладкую...

Историческая справка

Сохранились свидетельства о том, что хунну (сюны) жили на территории современной Монголии с IV века до н. э. Становление сильного государства в III веке до н. э. связано с именем Модэ шаньюя – шаньюями китайские источники называют хуннских царей. В те времена они даже с китайского императора брали дань. Этот период описан в романе Нурихана Фаттаха «Свистящие стрелы». Но позже, в результате хитроумной политики китайской дипломатии, хунну разделились на два лагеря и начали воевать между собой. В 98 году шаньюй, проиграв в решающей битве, бежал. Часть хунну ушла на запад и обосновалась в районе Семиречья. Остальные, продолжив путь, в 50-е годы II века вышли к берегам Идели. Здесь они смешались с угорами, взяв в жёны угорок (в трудном походе большинство их женщин погибло). В научной литературе этот народ называют гуннами. Их государство когда-то занимало земли от Яика до Дона. Сначала гунны разгромили аланов, затем напали на готов. Остготы подчинились гуннам, а вестготы, переправившись через Дунай, скрылись на территории Римской империи. Есть предположение, что на стороне гуннов сражались и славяне. При Аттиле могущество гуннов достигло наивысшей точки.

Аттила (умер в 453 году н. э.) – царь гуннов в 433–453 гг. После смерти старшего брата Ругилы он взошёл на трон вместе с братом Бледой.

По мнению историков, гуннское государство простиралось от Альпийских гор и Балтийского моря на западе до Каспийского моря (Гуннское море) на востоке. В исторических летописях упоминается соглашение между братьями и правителем Римской империи, заключённое в городе Маргус (ныне на этом месте расположен сербский город Пожаревац). По этому соглашению римляне должны были платить гуннам дань в два раза больше прежней: она составляла 700 фунтов золотом ежегодно.

Воспользовавшись тем, что гунны были заняты войной с северными и восточными племенами, римляне нарушили условия договора. Разгневавшись, Аттила в 441 году перешёл границы Римской империи, захватил города Вилинациди (Костолак), Маргус, Сингидунум (Белград) и другие. Через два года, разрушив Наис (ныне на территории города Ниш) и Сердику (ныне на территории Софии), он ступил на берег моря, окаймлявшего Константинополь. Римляне были вынуждены подписать новое мирное соглашение. Аттила заставил их уплатить дань за прошлые годы (600 фунтов золотом) и увеличил размеры ежегодной дани в три раза (2100 фунтов золотом).

Летописцы упоминают, что в 445 году Аттила убил своего брата Бледу и стал единоличным правителем гуннов. В 447 году он вновь вторгся в Вос-

точную Римскую империю, захватил её провинции на Балканах. Снова мирный договор, условия на этот раз ещё более жёсткие: Аттила потребовал земли южнее Дуная. Нам неизвестны размеры дани, возможно, римские летописцы постеснялись увековечить сумму в документах.

В 451 году Аттила вторгся в Галлию. Причина вторжения также неизвестна. Против Аттилы выступило римское войско под началом Аэция. С ним были король вестготов Теодорик и франки. До их прибытия готы успели захватить Аурелианум (Орлеан). Договорившись с сестрой императора Гонорией, Аттила объявил её своей женой и потребовал в качестве приданого бесчисленные земли Западной Римской империи.

Решающее сражение произошло на Каталаунской равнине. В этой битве погиб король вестготов. Аттила с войском покинул Галлию. Хотя западные историки и пишут, что это было поражение гуннов, на самом деле это сражение, видимо, не принесло победы ни одной из сторон, или, скорее всего, оно закончилось поражением Аэция, потому что сразу после этого гунны вторглись в Италию и разрушили города Аквилея (Венеция), Патавиум (Падуа), Верона, Бриксия (Брешиа), Бергалиум (Бергамо), Медиолан(и)ум (Милан). На этот раз Аэций ничего не смог противопоставить Аттиле. Но в Италии свирепствовала чума, поэтому гунны вернулись на родину.

Когда новый император Византии Марциан перестал платить дань, в 453 году Аттила вновь начинает готовиться к войне. Его цель – Константинополь (Стамбул). Но в первую брачную ночь он неожиданно умирает в объятиях своей молодой жены Ильдико.

*Перевод с татарского Гаухар Хасановой,
Фаяз Фаиза, Рустема Сабирова*

**Оформить
подписку
на журнал**

МОЖНО:

для физических лиц

75796

стоимость 2025 год:

1 месяц – 972 тг

3 месяца – 2915 тг

6 месяцев – 5830 тг

- **В отделениях АО «Казпочта»**
- **На сайте www.post.kz**
- **В редакции журнала**
- **С любого месяца**

Подписной индекс:

для юридических лиц

25796

стоимость 2025 год:

1 месяц – 1322 тг

3 месяца – 3965 тг

6 месяцев – 7930 тг